

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

## ПЕРИОДИЗАЦИЯ СКИФСКОЙ АРХАИКИ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Хронология скифской культуры была изначально поставлена в прямую зависимость от датировок предметов греческой архаики, что было обусловлено совместным существованием в Причерноморье обеих культур. Эта зависимость сдерживала возникшую с накоплением нового материала тенденцию к удревнению раннескифской культуры (РСК). Тем не менее ее изучение привело к удревнению ведущих памятников раннескифского периода и поставило исследователей перед фактом существования скифской архаики в пределах VII в. до н. э. [1, с. 32—55; 2, с. 43—48; 3, с. 17—36; 4, с. 60—81]. Дальнейшее уточнение хронологических границ РСК связано с поиском новых независимых хронологических привязок. В этой связи принципиально важной как для понимания процесса сложения РСК, так и для подходов к способам ее датирования оказалась обобщающая работа Г. Коссака [5, с. 24—86]. Он попытался независимо от даты келермесских курганов датировать новочеркасскую ступень. Параллели новочеркаской бронзы Г. Коссака обнаружил в изделиях эпохи поздней бронзы Центральной Европы IX—VIII вв. до н. э. и на Кавказе в памятниках доурартской эпохи. Датировав в этих пределах новочеркацкий этап, Г. Коссака убрал его из VII в. и даже конца VIII в. Он хронологически разделяет новочеркацкий и келермесский этапы, помещая между ними жаботинский и предкелермесский, которые называет 1-м этапом РСК. Приветствуя разделение Л. К. Галаниной келермесского могильника на ранний и поздний, он отнес ранние курганы Веселовского ко 2-му этапу, а курганы Шульца к 3-му. Причем 3-й этап он усилил отнесением к нему Репяховатой Могилы 2, именно этот памятник стал для него ведущим. Это разделение принципиально, поскольку не позволяет более переносить дату ритона и зеркала на датировку всего Келермеса. Греческая керамика, найденная в Репяховатой Могиле 2, теперь датируется второй половиной VII в., что позволяет Г. Коссаку датировать этим временем и 3-й этап. Полагая, что верхняя граница 3-го этапа приходится на рубеж VII—VI вв., он тем не менее не смог предложить убедительных доказательств. Именно эту дату попытался обосновать и В. А. Кисель [6, с. 89, 90]. Соответственно 2-й этап переносится в первую половину VII в., которую он делит вместе с 1-м этапом, граница между ними не определена. На основании кавказских параллелей нижняя граница 1-го этапа перенесена в конец VIII в. (Самтавро 106, Тли 68, 85). Таким образом, Г. Коссака попытался изменить систему хронологических привязок: удревнив вне связи с РСК новочеркасскую ступень, он затем «подтянул» к ней раннекелермесский этап, одновременно закрепив датировку 1-го и 3-го этапов соответственно кавказскими и античными параллелями. Г. Коссака впервые использовал общую периодизацию РСК и обосновал выход этой культуры в VIII в. до н. э.

В поисках независимых хронологических привязок Г. Коссака попытался привлечь и археологические материалы Древнего Востока, но это направление оказалось у него наименее разработанным. Необходимость согласования датировок «скифских» древностей Ирана и Турции, отличающихся от хронологии скифской архаики, разработанной отечественными скифологами, назрела давно. Несогласованность письменных и археологических источников была уже давно зафиксирована И. М. Дьяконовым, вынужденным написать, что киммерийцы и скифы, известные по письменным источникам VIII — начала VII в., «принадлежали археологически к доскифским культурам» [7, с. 228]. Привлечение скифологами древневосточного материала носит бессистемный характер, в результате материал, имеющий выход на абсолютные даты, по существу ничего не дал для хронологии РСК. Необходимо ответить на вопрос, на каком этапе РСК кочевники проникли на территорию Древнего Востока и как долго там находились? Для этого необ-

ходимо определить ведущий набор инвентаря каждого из трех этапов РСК и выявить его динамику — что появлялось, что исчезало. Если удастся выявить адекватный набор в ближневосточных комплексах, то датировка его местным археологическим материалом, анализ исторической ситуации и письменных источников, уточняющих время событий, связанных с кочевниками, определяют датировку этого этапа. В результате станет возможной хронологическая корректировка периодов РСК. В этом смысл предлагаемой работы.

Определяющими 1-й этап являются комплексы Рыжановка 2, Жаботин 2, 524 в Приднепровье. По сходству жаботинского инвентаря сюда отнесены Константиновка 15, 375, Тенетинка 183, кург. у с. Головатин и Орловец (Теклино) 346 [8, с. 159—160, прим. 2.3; 9, с. 61—65]<sup>1</sup>, Медвин 2 (группа II), из предкавказских комплексов — Красное Знамя 9, хут. Алексеевский, Ставропольский курган 1953 г. [2, с. 44]. Вслед за В. А. Ильинской Г. Коссак включил сюда Самтавро 106, а также Тли 63 и 85 [5, с. 43—48]. Ведущие формы инвентаря 1-го этапа: бронзовые двукольчатые и стремечковидные удила, трехдырчатые псалии с муфтой или без нее, костяные псалии с головкой птицы на одном конце и изображением копыта на другом, бляшки или пронизи для перекрестных ремней с четырехлучевым знаком, стрелы жаботинского типа. К этому этапу А. А. Йессен, В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин относили памятники, сочетающие черты новочеркасской ступени и скифского времени (хут. Алексеевский, Каменномоостский курган 1921 г., погребение у Лермонтовского разъезда) [11, с. 20—24]. Первый этап, будучи скифским прежде всего по художественному стилю [5, с. 48—84], по материальной культуре, является переходным между новочеркасским периодом и культурой келермесского времени. Хотя Г. Коссак настаивает на разделении 1-м этапом этих ярких культур, по-видимому, нельзя исключить возможность полного или частичного сосуществования новочеркасского комплекса с 1-этапом РСК: об этом свидетельствуют присутствие новочеркасских черт в комплексах 1-го этапа (большие бронзовые кольца с подвижными муфтами, кинжалы кабардино-пятигорского типа, бронзовые трехпетельные псалии с лопастью на конце, двукольчатые удила с привесками, шлемовидные бляхи, бляхи с четырехлучевым знаком и др.), с одной стороны, и черты сходства между новочеркасскими и келермесскими изделиями — с другой. Но эта синхронизация говорит лишь в пользу удревнения начала РСК, а не наоборот. Хронологическая позиция новочеркасской ступени и кавказские параллели памятникам 1-го этапа, приведенные Г. Коссаком, доказывают факт существования РСК уже в конце VIII в. и не ограничивают его начало.

К началу 2-го этапа исчезает основная часть ведущих типов инвентаря предыдущего этапа: бронзовые двукольчатые удила и трехдырчатые псалии, пронизи с четырехлучевым знаком, наборы, состоящие преимущественно из двулопастных наконечников стрел. Продолжают использоваться бронзовые стремечковидные удила и мечи-акинаки с бабочковидным перекрестием, костяные псалии, некоторые из которых оканчиваются головками грифо-баранов. Появление фантастических существ в скифском искусстве Г. Коссак относит ко 2-му этапу [5, с. 84]. Появилась железная узда: стремечковидные удила и новый тип петельчатых удил, в кавказской зоне известны железные реплики двукольчатых удил и удила с расширенными концами, на которых пробиты отверстия (Нартан, Красное Знамя 6, Келермес ГМ, погр. 18), трехпетельчатые псалии, вероятно, генетически связаны с бронзовыми петельчатыми псалиями предшествующего периода. Характеризующим признаком 2 го этапа служат дисковидные бронзовые зеркала с ручкой на обороте, происхождение которых связано с южносибирским ареалом. Вошли в употребление колчаные наборы, в которых преобладают

<sup>1</sup> Костяной псалий, орнаментированный выемчатыми треугольниками, из поселения Тарасова Гора, относящийся к этому времени, недавно ошибочно включен в находки из Пастырского или Трахтемировского городищ [10, с. 54, рис. 8]. Теклино 346, Дарьевка — комплексы последующих этапов РСК.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ПО ТРЕМ ЭТАПАМ РСК

РСК гг. до н.э.	Пронизи цилиндрические с четырёхлучевым знаком	Стрелы ромбические жаботинского типа	Псалии бронзовые	
			трёхпелетчатые с лопастью	трёхдырчатые (1) с муфтами (2) стержневидные
св. 750  1 этап	КЗ: х.Алексеевский ПД: Рыжановка 2	КЗ: Самтавро 27, 106; Тли 129; Красное Знамя 9; х.Алексеевский; Сержень Юрт ПД: Жаботин 524	КЗ: Лермонтовский разъезд ПД: Константиновка 375	КЗ: х.Алексеевский ПД: Жаботин 524 (1, 2); Тенетинка 183(1); Емчиха 375, погр. 1(1); Медвин II, 2(2)
св. 700 переходная группа	КЗ: Келермес ГМ 27	ЛД: Глинце	<p style="text-align: center;">стержневидные с зооморфными окончаниями</p>	
2 этап				
св. 650 переходная группа				
3 этап св. 600				

ПРИМЕЧАНИЯ: КЗ – кавказская зона; ПД – правобережье Днепра; ЛД – левобережье Днепра;  
ГМ – грунтовый могильник, Келермес В – курганы, раскопанные Н.И.Веселовским;  
Келермес Ш – курганы, раскопанные Д.Г.Шульцем.

трехлопастные и трехгранные наконечники стрел. Клювовидные пронизи каменноостского типа на 2-м этапе фиксируются и в Приднепровье. Впервые появляется «келермесский» тип костяных пронизей в виде грифо-барана, тщательно детализированные, с рогом под глазом. Костяные пронизи, по-видимому, использовались только в Прикубанье и Ставрополье. Бронзовые схематизированные варианты этих пронизей позднее начали использовать в Приднепровье (таблица). Сходными с ними являются костяные наконечники деревянных псалий. Ведущие памятники: Рыжановка 5, Старшая Могила в Аксютинцах, Келермес (курганы Н. И. Веселовского). Вероятно, существовала переходная ступень между 1-м и

Удила двукольчатые		Удила стремечковидные		Псалии костяные
бронзовые	железные	бронзовые	железные	
КЗ: Красное Знамя 9; Лермонтовский разъезд (с при- весками) ПД: Рыжановка 2; Жаботин 2; Константиновка 375 (с привеска- ми); Тарасова Гора (поселение)		КЗ: х.Алексеевский; Тли 68 ПД: Жаботин 2, 524; Константиновка 15; Тенетинка 183; Емчиха 373 Медвин II		КЗ: Самтавро 106; Тли 68; ПД: Жаботин 2; Тарасова Гора (поселение)
		ПД: Орловец 346		ПД: Орловец 346
	КЗ: Келермес 2/В; Нартан 20, 18?	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 3, 6, 7, 1 (жн.); Нартан 12, 20; ст.Подгорная ПД: Оситняжка 471; Макеевка 453, 460; Берестяги 45 ИД: Старшая Могила; к.2 Мазараки	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 6; Нартан 15; Новозаведённое II, 2; ПД: Журовка 406; Пищальники; Пешки 362 ЛД: Герасимовка 1; Лука; Осянги 1; Аксютинцы 3 (1886)	КЗ: Нартан 14, 15, 16, 18, 23 ЛД: Аксютинцы 2 (1886), 466– 470; Старшая Моги- ла; к. 2 Мазараки; Стайкин Верх 4; Волковцы 2, 9, 12 (1886), 477; Великие Буд- ки 1; Солодка 1, 2; Броварки 503
		ПД: Репяховатая Моги- ла 1		ПД: Журовка 407, 432
	Келермес Ш(24)	КЗ: Келермес Ш (24) ПД: Гуляй-Город 38; Репяховатая Моги- ла 2	ПД: Репяховатая Могила 2	ПД: Гуляй-Город 38

2-м этапами. В Келермесе в погр. 27 грунтового могильника вместе найдены: пронизь с четырехлучевым знаком, железные трехдырчатые псалии архаической формы, железные петельчатые псалии и зеркало с петелькой на обороте [12, с. 162, рис. 4]. С таким же зеркалом в Глинище найдены двулопастные наконечники стрел жаботинского типа [13, с. 82, рис. 1, 2]. К переходной ступени или ко 2-му этапу относится кург. 346 в Теклино, в котором найден железный стержневидный псалий неясной формы.

Направленность очередного кочевнического импульса, шедшего из Центральной Азии и значительно изменившего вещевой комплекс 2-го этапа, сказалась

Мечи акинаки	Псалми железные трёхдырчатые	Псалми железные трёхпетельчатые	Удила железные петельчатые
КЗ: Лермонтовский разъезд; Каменноостский (1921); Тли 68, 85; Самтавро 27 ПД: Жаботин 524 (фр-ты)			
ПД: Орловец 346	КЗ: Келермес ГМ 27 ПД: Орловец 346?	ПД: Орловец 346	КЗ: Келермес ГМ 27 ПД: Орловец 346
КЗ: Нартан 16 ПД: Рыжановка 5; Куриловка 77; Медвин (1906); Журовка 406 ЛД: Аксютинцы: Старшая Могила	ПД: Константиновка 8 ЛД: Аксютинцы к. 1905 г.; к. 2 Мазараки; Скоробор 10 (1906)	КЗ: Келермес 1, 2/В; Новозаведённое II, 2; Красное Знамя 1 (южн.) 3, 6, 7; Нартан 12, 16, 17, 20 ПД: Константиновка 8; Пищальники; Макеевка 453; Журовка 406; Пешки 362; Вобрица 40 ЛД: Поповка 1, 5, 6; Аксютинцы: Старшая Могила, 3, 6 (1886), 470; Волковцы 7, 11, 12 (1886); Лука; Солодка 1, 2	КЗ: Келермес 1, 2/В; Нартан 18, 23 (14, 18, 20 – кольча- тые) ПД: Константиновка 8; Вобрица 35, 40 ЛД: Поповка 1, 5, 6; Аксютинцы: Старшая Могила, к. 2 Мазараки, 466, 469; Стайкин Верх 4; Волковцы 2, 7, 12 (1886); Герасимовка 1; Броварки 503; Солодка 1, 2
КЗ: Келермес Ш ПД: Репяховатая Мо- гила 2; Синявка 100 ЛД: Поповка 3		КЗ: Келермес Ш (24) ПД: Репяховатая Могила 2; Захарейкова Могила 1 ЛД: Поповка 3	КЗ: Келермес Ш (24) ПД: Репяховатая Моги- ла 2

на некотором запаздывании его сложения в Правобережье Днепра (таблица) и в Поднепровье [14, с. 25—29].

Согласно Г. Коссаку, 3-й этап отличается появлением греческого керамического импорта и зеркал с боковой ручкой. Помимо раскопанных П. Н. Шульцем курганов Келермеса ведущими памятниками этого этапа он считает обе Репяховатые Могилы у с. Матусов [5, с. 71—75]. Говоря о нововведениях в материальной культуре каждого этапа, он не отмечает явлений обратного порядка — не указывает вещи, вышедшие из употребления. В результате им недостаточно

Зеркала		Пронизи		
с центральной ручкой	с боковой ручкой	клювовидные: схематизированные (1), детализированные (2)	в виде грифо-барана	
			костяные	бронзовые
		КЗ: Каменноостский (1921) (1)		
КЗ: Келермес ГМ 27 ЛД: Глинище				
КЗ: Келермес 2/В; Нартан 16, 18 ЛД: Бобрица 35; Медвин (1906); Лазурцы 2 ЛД: Герасимовка 1, 2; Поповка 6; Броварки 503	КЗ: Нартан 20	КЗ: Келермес 2/В (1); Красное Знамя 1 (южн.) (1); Нартан 14, 21(1); Новозаведённое II, 2 (1) ЛД: Аксютинцы 466(1); Мачухи 11(1)	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 1 (южн.)	
ЛД: Журовка 407; Перепятыха; Репяховатая Могила 1	ЛД: Перепятыха			ЛД: Журовка 407
	ЛД: Гуляй-Город 38; Репяховатая Могила 2; Захарейкова Могила 1; Журовка 447; Лазурцы 418/3; Снявка 100 ЛД: Стаянки Верх 8; Волковцы 494 ?	ЛД: Гуляй-Город 38 (1); Захарейкова Могила 1 (2); Константиновка 244 (2) КЗ: Келермес III (2), 24(1,2)	Келермес II (24)	ЛД: Гуляй-город 38; Захарейкова Могила 1 ЛД: Поповка 10

охарактеризованы происшедшие изменения между 2-м и 3-м этапами. Материалы тысминской и поросской групп курганов, относительная хронология которых разработана В. А. Ильинской и Г. Т. Ковпаненко, обнаруживают существенные различия между обоими этапами и уточняют хронологическую позицию обеих могил у с. Матусов.

В. А. Ильинская выделила промежуточную группу курганов между жаботинскими и поздними курганами старшей жуrowsкой группы (курганы 407, 432, 447). Промежуточная группа соответствует 2-му этапу (Рыжановка 5, Журовка

406, 411, Макеевка 453, 454, 460, Оситняжка 471). В поздней группе уже нет орнаментированной керамики, исчезли круглотелые кубки, что особенно подчеркивалось В. А. Ильинской, низкие черпаки жаботинского типа и глубокие округлые черпаки заменились высокими грушевидными, бытуют миски на высоком поддоне и высокие биконические корчаги [9, с. 57—61]. Именно эта керамика сочетается с античной керамикой (Репяховатая Могила 2, Новоалександровка, Коломак) и с зеркалами с боковой ручкой и относится к 3-му этапу. Курганы Журовка 407, 432 В. А. Ильинская помещала раньше остальных курганов поздней группы [9, с. 58, 59]. К ранним признакам этих курганов помимо отмеченных ею относятся костяные псалии и зеркала герасимовского типа, в них еще нет зеркал с боковой ручкой и античной керамики. Оба журовских кургана вместе с комплексом Репяховатая Могила 1 образуют переходную группу перед началом 3-го этапа <sup>2</sup>. Эта последовательность подтверждается стратиграфией могил у с. Матусов (выкид Могилы 1 был поврежден при сооружении Репяховатой Могилы 2) и общностью инвентаря трех комплексов. Репяховатая Могила 2 демонстрирует смену типов зеркал, а вместе с остальными комплексами, в которых найдены зеркала с боковой ручкой (таблица), обнаруживает исчезновение на 3-м этапе псалий с зооморфными окончаниями <sup>3</sup>. Случай взаимовстречаемости обоих типов зеркал известен в кург. Перепятыха на Киевщине [16, с. 59, рис. 9 1—3]. Можно допустить, что краткое сосуществование обоих типов зеркал приходится на время, разделяющее сооружения 1 и 2 Репяховатой Могилы <sup>4</sup>.

В Поросье три группы погребений, выделенные Г. Т. Ковпаненко, соответствуют трем этапам РСК [18, с. 126—133]. Ко 2-му этапу относится 34 кургана (в том числе Куриловка 77; Емчиха 373, погр. 1 и 375, погр. 3; Пищальники; Бобрица 35; Медвин, курганы 1901, 1906 гг.; Берестняги, 6, 45). В керамике этих памятников, как и в тясминской группе, в конце 2-го этапа исчезают кубки. Однако в кург. 100 у с. Синявка такой кубок найден вместе с зеркалом с боковой ручкой и редким типом меча с прямым перекрестием [18, с. 52, 107, рис. 41, 42]. Предполагается, что эта форма перекрестия сформировалась сравнительно поздно [19, с. 80]. Г. Т. Ковпаненко сама сближала по времени этот комплекс с Репяховатой Могилой 2 [18, с. 130], так что помещение его в начале 3-го этапа обоснованно. К 3-му этапу Г. Т. Ковпаненко отнесено 14 курганов. Из них кург. 2 у с. Лазурцы, по-видимому, относится ко 2-му этапу прежде всего по набору стрел, в котором преобладают длинновтульчатые трехлопастные с листовидной головкой [18, с. 35, рис. 26]. Именно они сочетаются с архаическими двупластными наконечниками стрел [20, с. 17, табл. I, сочетание I, 1, 1—5 и II, 1, 1—3; 1—4]. В пользу принадлежности этого кургана ко 2-му этапу свидетельствует и зеркало с центральной ручкой. Таким образом, распределение инвентаря не противоречит смене типов зеркал. Костяные псалии в Поросье не получили распространения и в закрытых комплексах неизвестны.

В Левобережье за яркой культурой Аксютинцевой и Волковецкой курганных групп, соответствующих 2-му этапу (в том числе Старшая Могила; кург. 2 Мазараки; Поповка 3, 13; Волковцы 2), вплотную следует группа курганов переходного времени, в которых обнаружены костяные псалии с зооморфными окончаниями [21, с. 71—75]. Очевидно, что в нее входят разновременные памятники. С одной стороны, комплексы 1 и 2 из урочища Солодка, близкие

<sup>2</sup> К переходной группе склонна относить Л. К. Галанина один из шульцевских курганов Келермеса (кург. 24), исследованных в 1980 г. Она же указала мне на находку в нем железных двукольчатых удил [15, с. 43, рис. 6, 26].

<sup>3</sup> В кургане 38 у Гуляй-Города обнаружены такой псалий и зеркало с боковой ручкой. Вероятно, он относится к началу 3-го этапа, во всяком случае, В. А. Ильинская помещала его раньше Журовки 447 [9, с. 58].

<sup>4</sup> В Ленковецком кургане найдено зеркало с центральной ручкой, к которому позднее была приделана несохранившаяся боковая ручка, что в некотором смысле повторяет ситуацию в кург. Перепятыха [17, с. 63, рис. 28, 3]. На близость керамики обоих курганов указал С. А. Скорый. Курган у с. Ленковцы теперь датируется серединой — началом второй половины VII в. [14, с. 29], что совпадает с датой 3-го этапа по Г. Коссаку.

по инвентарю Старшей Могиле (костяные псалии, копыя), В. А. Ильинская поместила за 2-м этапом только по наличию базисных стрел [21, с. 74]. Но и в Старшей Могиле, и в Глинице известны единичные находки таких стрел [20, с. 17, табл. I, с. 19, примеч. 57]. Остальные комплексы относятся или к 3-му этапу (Волковцы 7, Стайкин Верх 6, 8, 12) — в них обнаружены железные трехпетельчатые псалии и стремчовидные удила, конические пастовые бусины-розетки, популярные в РСК, костяных псалий нет [21, с. 141, примеч. 16—18], или уже к среднескифскому времени (Волковцы 1, 478, курганы у хут. Шумейко и др.), когда произошли существенные изменения инвентаря: двудырчатые псалии различных модификаций сменили трехпетельчатые, исчезли стремчовидные удила, появились железные дротики и ременные уздечки с бронзовым набором, новые типы бляшек, в частности, ромбовидные и в виде головки дося или других зверей<sup>5</sup>. Именно в посульских курганах начала ССК в нескольких случаях обнаружены костяные псалии: Шумейковский курган, Волковцы 1 (1886), 478, Броварки 505, хотя после 2-го этапа РСК они в этой группе не встречались [21, с. 43, 44, 71, 72, табл. XXXII, 5—15, XXXIX, 1—25, с. 45, рис. 23; 23, табл. 29, 18—28, 30, 1—17]. Если достоверность этих комплексов безупречна (Шумейковский курган в этой связи вызывает сомнения [21, с. 72]), то этот факт трудно объяснить, тем более что в это время трехдырчатые псалии уже заменились двудырчатыми. Но в рамках РСК, бытуя на первых двух, на 3-м этапе костяные псалии выходят из употребления.

Приведенная последовательность распределения инвентаря в закрытых комплексах Приднепровья отчасти не согласуется с временной последовательностью курганов Нартана и некоторых других предкавказских памятников, предложенной В. Г. Петренко. Если кург. 20 в Нартане самый ранний, как она считает [4, с. 64], то, следовательно, зеркала с боковой ручкой появились в Нартане раньше, чем зеркала с ручкой на обороте; колчаные наборы с трехлопастными накопечниками стрел с заостренными концами лопастей — жальцами — раньше тех, в которых их или нет, или преобладают длинновтульчатые с листовидной головкой (типы II, 1—2, по Мелюковой); костяные псалии с зооморфными окончаниями появляются только на 3-м этапе.

Ранние курганы Нартана группируются в основном в западной части могильника [24, табл. 8]. Расположенные рядом курганы 12—14, 16, 18 определенно образуют культурное и хронологическое единство: только в курганах 12, 13, 16 погребение было совершено по обряду полного или частичного трупосожжения, в кург. 18 погребенный был посыпан угольками, что сближает данное погребение с этой группой. В указанных курганах обнаружены зеркала с центральной ручкой (курганы 16, 18), круглые золотые бляхи с четырехлучевым орнаментом (курганы 12, 14, 16), костяные псалии (курганы 14—16, 18)<sup>6</sup>. В курганах 15, 17 наряду с чертами, объединяющими их с этой группой (псалии, колокольчики, как в курганах 13, 16, 18), имеются отличия (золотые бляхи с шестилучевой фигурой, бронзовые булавки с отверстием). Все перечисленные предметы отсутствуют в кург. 20. Уникален состав бронзы, подпружные кольца и бляхи конского убора из этого кургана, отлитые из «чистой» меди [25, с. 123]. Только здесь обнаружено

<sup>5</sup> В. А. Ильинская не отметила хронологического разрыва между концом РСК и началом среднескифского периода. С. В. Полин также не отмечает разрыва, но время перехода от старшей журавской группы к младшей он перенес на рубеж первой и второй четвертей VI в., хотя и отмечает, что в лесостепи и в степной Скифии данные для уточнения времени перехода между ними отсутствуют [3, с. 27, 32]. Учитывая существенное удревнение РСК, А. Ю. Алексеев настаивает на хронологическом разрыве и относит начало ССК к последней трети VI в. [22]. Свидетельствуют ли против длительного разрыва комплексы, сочетающие элементы РСК и ССК (Волковцы 7, 8, Стайкин Верх 12) или это механическое соединение разновременных комплексов, трудно сказать. Вопрос о времени перехода между обоими периодами скифской культуры остается открытым.

<sup>6</sup> Костяной псалий отмечен в кург. 23, соседствующем с кург. 9, в котором найдены золотая бляшка, колокольчик и калачиковидная серьга, как и в кург. 12, что сближает эти курганы с описываемой группой. Псалий из кург. 16 украшен врезными треугольниками в стиле 1-го этапа РСК.



единственное зеркало с боковой ручкой. Вместе с тем пронизь с тремя отверстиями и бронзовое блюдо найдены также в соседнем с кург. 20 кург. 22, а удила и железные псалии — в ряде курганов Нартана [24, с. 40—42, 47, 48].

Хронологическая последовательность раннескифских курганов Предкавказья, построенная В. Г. Петренко на основе дробной видоизменяемости наконечников стрел, соответствует четырем хронологическим группам, в каждой из которых они сочетаются с определенным набором узды. Эти группы можно соотносить с тремя этапами РСК: 1-й этап — I, 1; переходная ступень ко 2-му этапу — I, 2; 2-й этап — II, 1; 3-й этап — II, 2. Но, во-первых, вряд ли удила и псалии могут служить надежным коррелирующим признаком. Бронзовые стремечковидные удила использовались на протяжении всего периода РСК, их железные копии — на 2-м и 3-м этапах, когда они сочетались с железными трехпетельчатыми псалиями; бронзовые стержневидные псалии с тремя петлями, кажется, служат признаком только 2-го этапа. Столь долгое использование бронзовых удил и псалий не позволяет говорить о замене бронзы железом и, следовательно, рассматривать наличие только железной узды в отдельном кургане РСК в качестве позднего признака. Трудно согласиться с выводом автора, что только в конце рассматриваемого периода (II, 2) происходит переход к костяным псалиям [4, с. 69—71], ведь они использовались уже на 1-м этапе РСК. Во-вторых, В. Г. Петренко придает большое значение длинным пронизям с тремя щелевидными отверстиями в качестве раннего признака, менее длинные пронизи известны в новочеркасское время (Уашхит). Сочетание таких пронизей с одно- и двукольчатыми железными удилами и служит главным хронологическим показателем ранней даты кург. 20 в Нартане, помещаемого В. Г. Петренко перед ранним Келермесом. Остается неясным, предшествует ли Нартан 20, согласно В. Г. Петренко, всему раннекелермесскому периоду или только курганам Н. И. Веселовского в пределах 2-го этапа. Отметим, что наличие пережиточных черт в комплексах всего 2-го этапа является его характерным признаком, да и сама пронизь не является строгим хронологическим признаком. Во всяком случае, В. Г. Петренко отнесла кург. 6 у хут. Красное Знамя к более позднему, чем Нартан 20, времени именно потому, что в нем эта пронизь не сопровождалась двукольчатыми и однокольчатыми удилами, хотя в остальном инвентарь обоих курганов почти идентичен [4, с. 69]. Но ведь и двукольчатые удила, если учесть их находку в кург. 24 в Келермесе, доживают до начала 3-го этапа, не говоря уже о петельчатых удилах. Очевидно, что Нартан 20 не может предшествовать кург. 2/В в Келермесе, если в последнем найдены и пронизь, и такие удила. В-третьих, показательное распределение колчанных наборов в курганах Нартана. Считается, что в келермесское время двулопастные ромбические наконечники стрел сменялись наконечниками с плавной линией лопастей [3, с. 21, 22; 26, с. 18]. По-видимому, силуэт двулопастных наконечников стрел достаточно субъективный признак<sup>7</sup>. Более четким и существенным хронологическим показателем в пределах 2-го этапа является сочетание различных типов трехлопастных наконечников стрел. В курганах 12 и 16 (в курганах 13, 14, 18 стрелы не обнаружены) отсутствуют наконечники с жальцами, но преобладают длинновтульчатые с листовидной формой пера, которые, как отмечено выше, обычно сочетаются с архаическими двулопастными наконечниками стрел. В курганах 15, 17, 19—21, расположенных рядом с кург. 20, появились наконечники с жальцами. Именно эти наконечники стрел сменяли

<sup>7</sup> В кург. 20 Нартана, согласно В. М. Батчаеву, среди двулопастных наконечников стрел преобладают овально-ромбические [24, с. 41, табл. 48]. У В. Г. Петренко, судя по рисункам этих наконечников, они скорее приближаются к жаботинскому типу [4, рис. 1, Д]. Как отметил С. В. Полин, В. Г. Петренко видела и среди келермесских стрел ромбические наконечники [3, с. 21]. К списку проверенных С. В. Полиным колчанных наборов келермесского времени, в которых он не обнаружил жаботинских стрел, добавим и набор из Журовки 406, в котором, по мнению В. А. Ильинской, из 52 наконечников 23 жаботинского типа. Но только один имеет очертания пера жаботинского типа, хотя и смягченного силуэта, все остальные листовидные и мельче жаботинских (Эрмитаж, кол. 4/1903).

наборы с овально-ромбическими и лавролистными двулопастными и длинновтульчатыми трехлопастными наконечниками без жалец [20, с. 19, 21]. Выявленная А. И. Мелюковой последовательность подтверждается тем, что на территорию Древнего Востока в 70-е годы VII в. до н. э. проникли их всех разновидностей трехлопастных наконечников именно длинновтульчатые без жалец и листовидные со скрытой или чуть выступающей втулкой (отдел II, тип 1<sub>3</sub>), последний тип, довольно редкий к северу от Кавказа, к югу от него получил широкое распространение [27, с. 53–68]. Проникнув на территорию Древнего Востока, эти типы трехлопастных наконечников законсервировались в своем развитии, тогда как севернее Кавказа, на их родине, произошла описанная смена типов и их дальнейшее развитие [28, с. 30–37, рис. 2]. Таким образом, именно трехлопастные наконечники без жалец дают возможность помещать курганы Нартана с костяными псалиями и зеркалами с ручкой на обороте в начало 2-го этапа, раньше кург. 20. Уникальность зеркала из кург. 20 и особенности его инвентаря заставляют рассматривать появление этого комплекса скорее как исключение, которое не нарушает последовательность в смене инвентаря, выявляемую по другим памятникам.

Распределение инвентаря по трем этапам РСК позволяет заключить, что сочетание костяных псалий, в том числе с головками грифо-барана на одном конце, бронзовых трехпетельчатых стрежневидных псалий, пронизей «келермесского» типа, зеркал с ручкой на обороте характерно только для 2-го этапа<sup>8</sup>. Немногочисленные «скифские» древности, найденные на территории Ирана и Турции, показывают, что на Древнем Востоке РСК представлена своим 2-м этапом. Для костяных псалий 1-й этап исключается по морфологическим признакам: одни имеют имитации трех петель, другие — головку грифо-барана (рис. 1). То же можно сказать и о наконечниках стрел: из 250 наконечников, найденных в разграбленной могиле близ Амасьи в Турции, кроме пяти пулевидных, все остальные двулопастные. Из них четвертая часть с утяжеленной головкой, и хотя имеется несколько ромбических с шипом, остальные плавно-ромбические и листовидные [29, рис. 3–7]. Из Богазкёя происходит 50 наконечников стрел, из них два трехлопастных без жалец, несколько двулопастных ромбических, остальные листовидные или с утяжеленной головкой [30, табл. XXX, XXXI]. В Иране отмечены единичные находки наконечников стрел двулопастных листовидных и трехлопастных без жалец [28, рис. 2; 31, с. 190–193]. Зеркала с ручкой на обороте найдены в Анатолии [5, с. 67, примеч. 97, 98]. Отдельные находки трехпетельчатых железных псалий, клювовидных пронизей и грибовидных столбиков могут датироваться и 3-м этапом. В Иране найдены только столбики, но вместе с костяным псалием (Нуш- и Джан III, 750–650 гг. до н. э. [33, с. 1, рис. 15, 426–428, 431]), что исключает 3-й этап. Присутствие в Иране скифов на 3-м этапе не фиксируется, о чем будет сказано ниже, в Малой Азии присутствие кочевников в начале 3-го этапа вероятно: там найдены железные псалии и клювовидные пронизи.

Абсолютную дату кочевнического инвентаря, обнаруженного на территории Древнего Востока, позволяет уточнить местный археологический материал, но в большей степени письменные источники и анализ исторической ситуации. В одном из двух наиболее выразительных кочевнических комплексов в Малой Азии — Имирлере близ Амасьи — яркими признаками 2-го этапа служат: длинный железный меч с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием,

<sup>8</sup> Каждый этап, конечно же, характеризуется большим числом диагностических признаков, но они не включены в табл. I, так как не обнаружены на территории Древнего Востока.

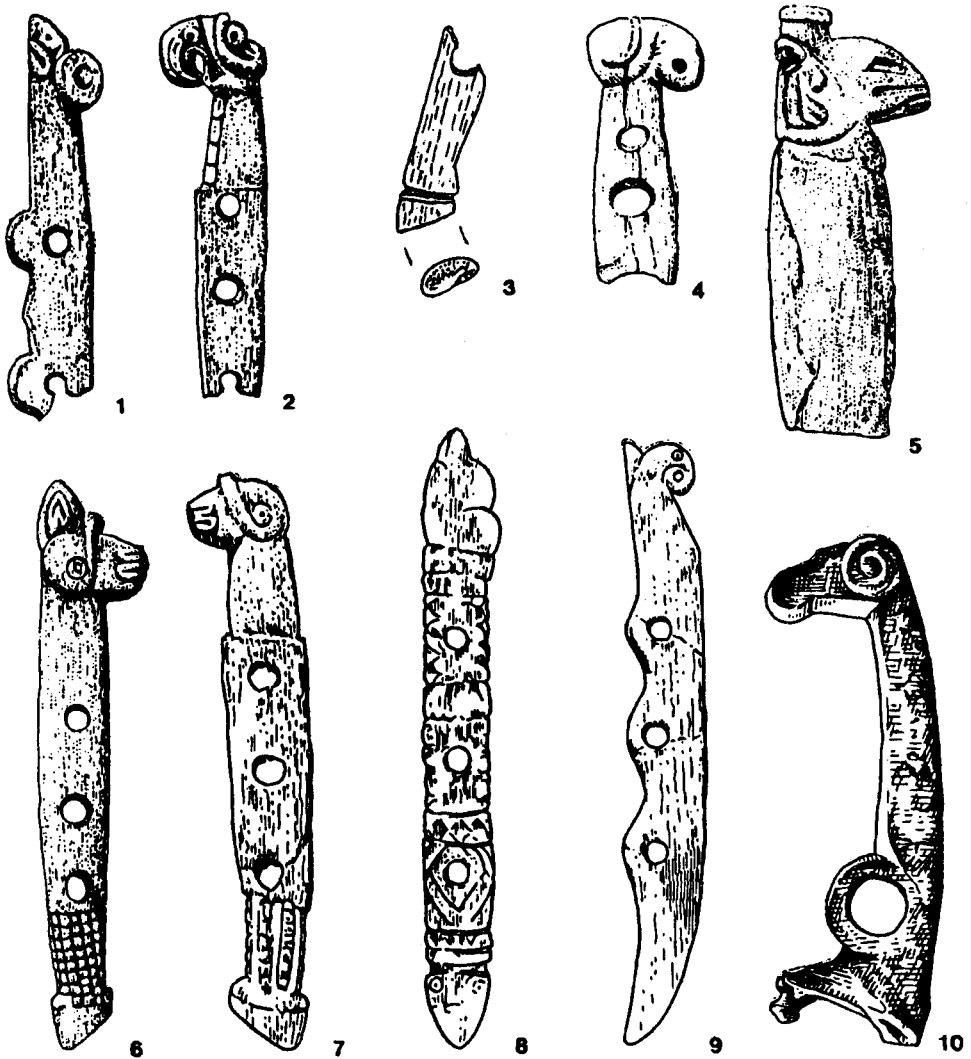


Рис. 1. Псалии: 1, 2 — Чавуштепе; 3 — Нуш-и Джан; 4, 5 — Хасанлу ШВ; 6–9 — Капланту (в нескольких километрах от Зивие); 10 — район Зивие. 1–9 — кость (5 — заготовка для псалия?); 10 — бронза; без масштаба

уплощенный рифленый вток, здесь найден и клевец, один из двух известных в этом регионе (второй найден западнее оз. Ван возле Муша [33, рис. 7, 8]), бронзовые стремечковидные удила, из семи двулопастных наконечников стрел один — ромбический, остальные листовидные, один из них с утяжеленной головкой (рис. 2) [29, рис. 1, с. 68, 69]. Вторым комплексом — Норшун тепе — смешанный: «скифские» вещи представлены пронизями «келермесского» типа <sup>9</sup>, стремечко-

<sup>9</sup> Фестончатый орнамент на роге и детальность декора сближают эти пронизы только с келермесскими (жург. 1/В [1, табл. 8]).

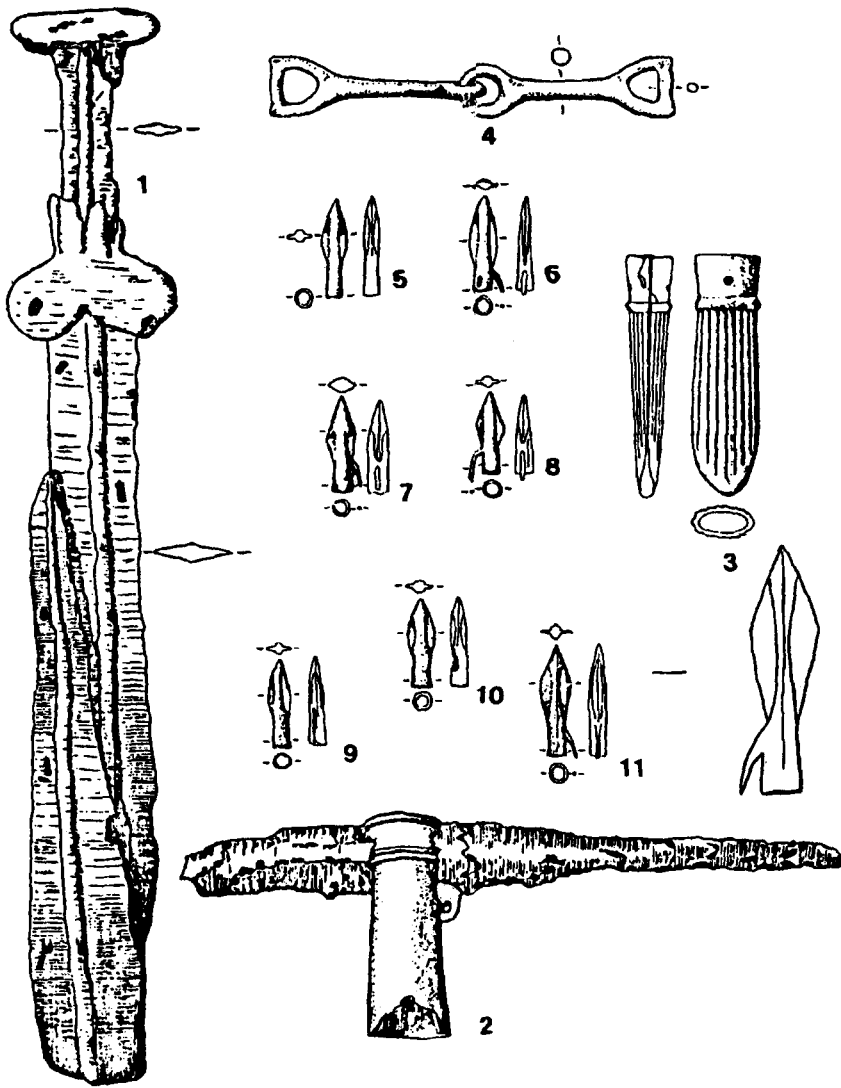


Рис. 2. Имирлер (по Г. Коссаку): 1 — длина 78,8 см; 2 — длина 28,2 см, высота — 9,7 см; 3 — длина 11,3 см, ширина 2,2 см; 4 — длина 18,5 см; 5—11 — 3,9—4,9 см. 1 — железо; 2 — бронза и железо; 3—11 — бронза

видными удилами, бронзовой палочкой-застежкой (закавказский тип?). Остальные вещи урартские: кольчатые удила с витыми стержнями, изогнутые ножи<sup>10</sup>, копья, топор<sup>11</sup> (рис. 3) [35, с. 258—260, рис. 4]. В Урарту около середины VIII в. произошла смена конского убора. Вместо древневосточного типа удил с напускными подвижными псалиями и громоздких налобников стали использоваться однокольчатые удила, часто с витыми стержнями и разъемные трехдырчатые

<sup>10</sup> Урартские кривые ножи ни типологически, ни хронологически не связаны со скифскими [34, с. 62]. У урартских ножей длинное прямое лезвие согнуто под углом к короткому черенку, у скифских короткое плавно изогнутое лезвие и длинный черенок. Они относятся к ССК (VI в.), урартские ножи не позднее середины VII в.

<sup>11</sup> Профиль топора из-за фрагментарности и коррозии плохо восстанавливается. Автор видел приблизительную параллель топору из Старшей Могилы в Аксютинцах [35, с. 263, примеч. 61]. Однако вероятнее местные аналоги.

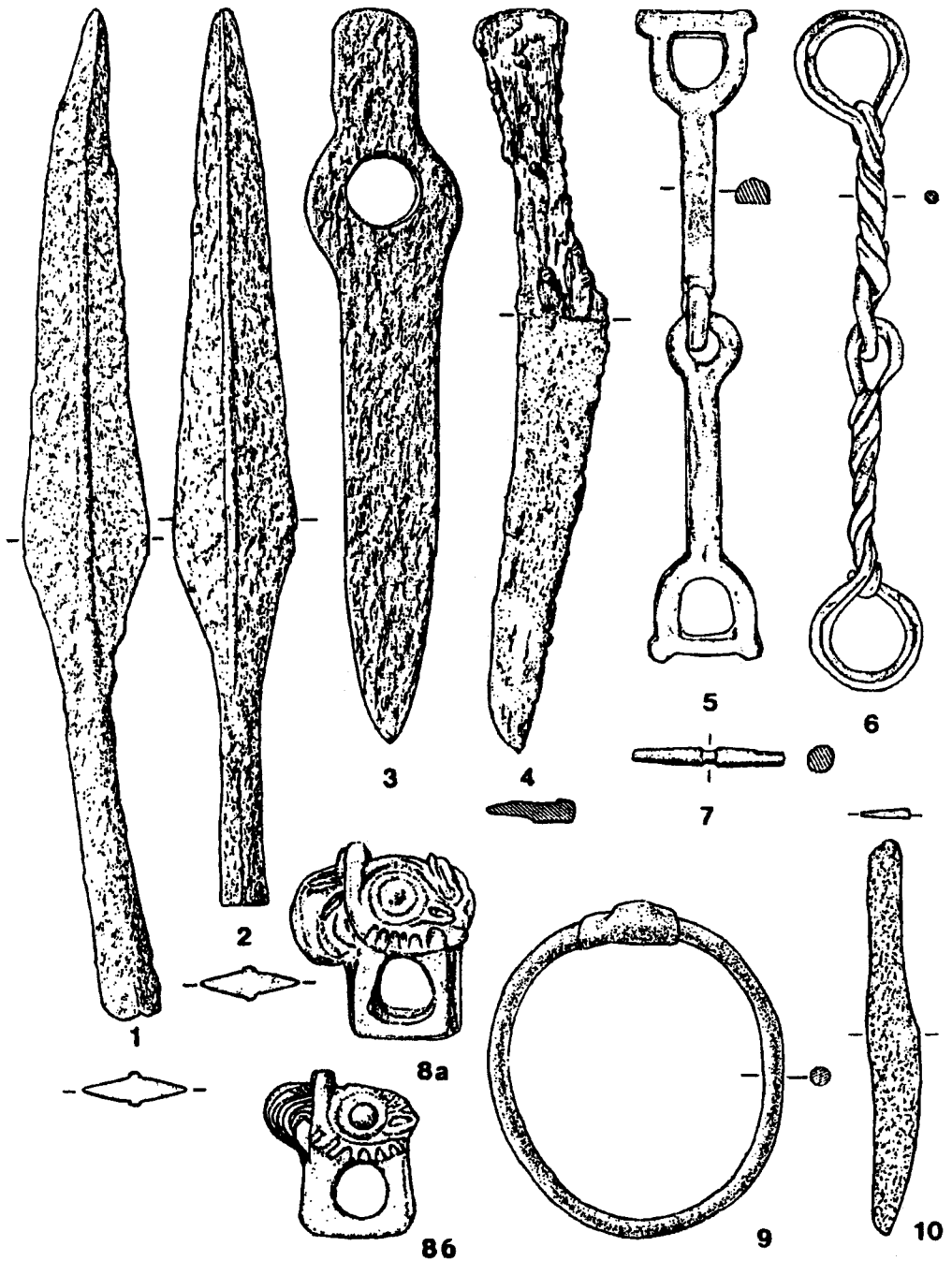


Рис. 3 Норшун тепе (по Г. Хауптману): 1, 2 — длина 61,5 и 54,5 см, ширина 7,6 и 7,2 см; 3 — длина 22,4 см, высота 4,5 см; 4 — длина 23,3 см, ширина 2,9 см; 5 — длина 20 см, ширина стремечка 3,5 см; 6 — длина 21,8 см, ширина кольца 3,5 см; 7 — длина 4,5 см, ширина 0,6 см; 8, а, б — высота 2,7 см, ширина 2,2 см; 9 — диаметр 10,2 см, диаметр прута 0,7 см; 10 — длина 16 см, ширина 2,3 см. 1—4, 10 — железо; 5—9 — бронза

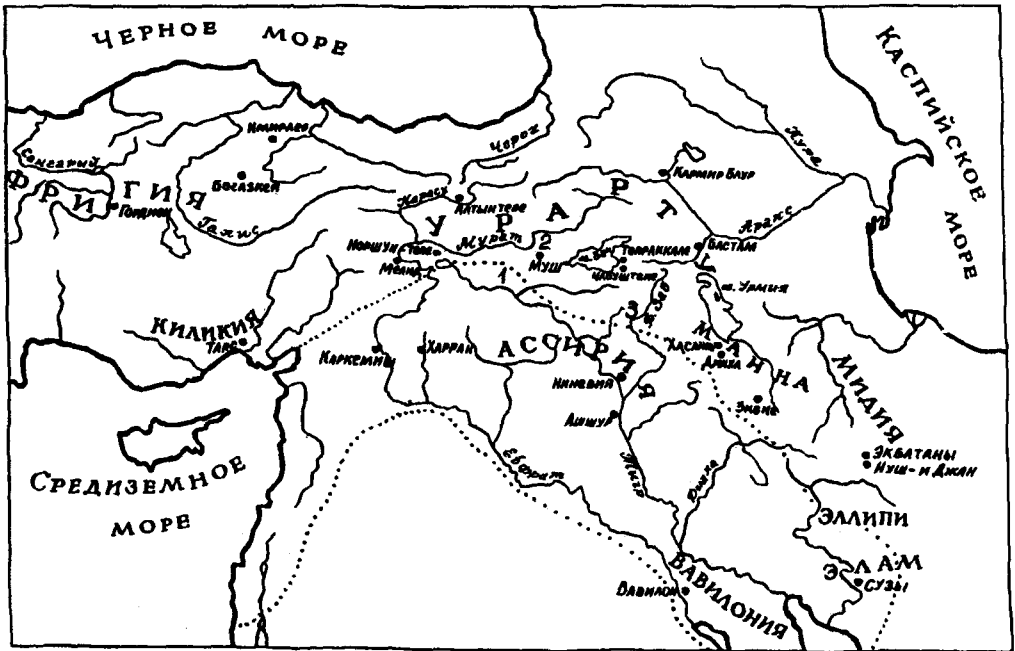


Рис. 4. Древневосточные государства в VII в. до н. э. Пунктиром обозначены границы Ассирийской державы в середине VII в.

**1 - Шубрия, 2 - Бит Хануниян 3 - Хубушкия**

...алии, трапециевидные налобники. Удила с крупными кольцами, проникнув в Урарту из зоны распространения гальштатской культуры около середины VIII в., в VII в. продолжали использоваться, кажется, одними урартами [36, с. 2—8, рис. 1—4; 37]. Топор-секира имеет выделенную втулку, смещенную к обуху, — признаки, известные на топорах VIII в. В частности, в Динха тепе НН; памятнике, синхронном Хасанлу IV (Иран) <sup>12</sup>, в одной из могил инвентарь схож с урартской частью инвентаря Норшун тепе [38, с. 64—67, рис. 36]. Эта могила датируется временем не позднее конца VIII в. Копья из Норшун тепе по пропорциям и форме ромбического пера близки к копьям из урартских крепостей Топраккале, Кармир-Блур и Бастам, где найдены также и кривые ножи [39, рис. 72; 40, с. 123—125, рис. 31; 41, с. 270, рис. 105; 42, рис. 1, 1, 2, 6, табл. 37, 2]. Могила из Норшун тепе перекрыта постройкой, которая была разрушена, по-видимому, во время гибели Урарту. На основании стратиграфии погребение датировано первой половиной VII в. [5, с. 63].

Как долго в VII в. использовались урартами вооружение и конский убор, сложившийся еще в VIII в., известный по Норшун тепе и другим урартским памятникам? Ответ на этот вопрос лежит в датировке урартских крепостей Бастам и Кармир-Блур и в данных письменных источников. Причем клинописные источники предельно уточняют дату кочевнических древностей Ирана и Турции.

Кармир-Блур и Бастам были построены Русой II (685—645 гг. до н. э.) <sup>13</sup>. Обе крепости погибли в огне и больше не перестраивались. Время гибели Кармир-Блура около 590/585 г. было установлено по письменным источникам: Урарту упоминалось в хронике вавилонского царя Набопаласара от 609/08 г. и в проклятиях пророка Иеремии в 594 г. Исследователи считали, что гибель Кармир-

<sup>12</sup> Обоснование даты Хасанлу IV и Динха III IX—VIII вв. до н. э. вместо X—IX вв., предложенной вторыми раскопками, см. в [36; 37].

<sup>13</sup> М. Сальвини относит смерть Русы II к 655/54 г. до н. э. [42, с. 78, примеч. 22].

Блура и в целом Урарту не могла предшествовать этим датам [45 с. 110]. Имена последних урартских царей официальными документами не засвидетельствованы: они встречаются на печатях и в надписях на предметах. Эти лица носили имена урартского царствующего дома, что и позволяло считать их царями. Последним в ассирийских анналах в 644 г. был упомянут урартский царь Сардури III. Между этим годом и предполагаемой датой падения царства между 609 и 590—585 гг. и помещались имена реконструируемых царей [44, с. 29]. Установленная таким образом дата гибели Кармир Блура в значительной степени определила датировку скифских вещей, найденных в крепости, и скифской архаики в целом.

Пересмотр времени гибели Урарту, и следовательно Кармир Блура, начался в связи с исследованиями немецких археологов в Бастаме (Северо-Западный Иран) (рис. 4). Пожар в Бастаме имеет довольно точную дату: в одном из помещений найдено огромное количество обгоревших костей копытных животных, среди которых около 1200 булл с именами только одного урартского царя Русы II и нескольких принцев. Эта находка позволяет предполагать, что город не мог погибнуть позднее года смерти этого царя [45, с. 78]. Причины гибели крепости С. Кроль, У. Зайдль и др. видят в общем крушении Урарту. И если немецкие исследователи первоначально исходили из хронологии советских урартологов, то сейчас они отказываются от нее и относят время гибели Урарту не к началу VI в., а к середине VII в. до н. э. [46, с. 169].

В Бастаме У. Зайдль выделила два типа печатей. Преобладают печати с именем Русы, они имеют характерные признаки царской печати: изображение льва и зонтик над фигурой царя. Эти признаки столь существенны, что иногда в легенде на печати отсутствует сам титул «царь». На печатях же царевичей имена их владельцев и содержание рисунка считались недостаточными и удостоверение данной печати обеспечивалось титулом «принц» [46, с. 161, 162; 47, с. 137—146; 48, с. 145—152]. По мнению У. Зайдль и С. Кроля, печати с династическими именами урартского царствующего дома являлись печатями принцев, которые занимали высокие административные посты. Они действовали в качестве представителя царя. Принцы, чьи печати найдены в Бастаме, очевидно, были современниками Русы II. До тех пор пока имена принцев не засвидетельствованы печатями царского типа или царской титулатурой, они только принцы. Поэтому установление дополнительных урартских царей для второй половины VII в. только на основании этих имен, как предлагали И. М. Дьяконов, Б. Б. Пиотровский, Н. В. Арутюнян, М. Сальвини, по мнению немецких исследователей, пока только недоказанная гипотеза [45, с. 78]. Если развивать выводы немецких исследователей, то скифские древности из Кармир Блура не могут датироваться второй половиной VII в. до н. э., что и будет показано ниже.

В речи пророка Иеремии в 594 г. противниками Вавилона названы царства скифов, Урарту, Манна и Мидия (Иеремия 51, 27—28). Критическое отношение к возможности использования этой даты урартологами уже высказывалось [46, с. 167, 168]. Существует обширная литература, оспаривающая подлинность этой фразы у Иеремии и предполагающая время ее поздней вставки. Часть исследователей считает проклятие Иеремии, включающее перечисленные страны, литературным топосом, который использовался иудеями уже в VII в., но направленным не в адрес Вавилона, а Ассирии, например, в годы, предшествующие отпадению Иудеи от Ассирии в 628 г. И в этом случае перечень стран у Иеремии с исторической точки зрения — анахронизм [49, с. 75, 76]. С. Завадский полагает, что этот топос мог использоваться в Иудее даже в первой половине VII в., когда все эти страны и народы были реальными врагами Ассирии [50, с. 151, 152]. Можно согласиться со сторонниками радикального непризнания достоверности даты и перечня стран у Иеремии. Но даже оставаясь на стороне тех, кто признает достоверность того и другого, нетрудно убедиться, что свидетельство Иеремии не доказывает существование Урарту и скифов на Древнем Востоке в начале VI в. до н. э. Противоречие, возникающее между свидетельством Иеремии и

проистекающим из других данных очевидным уходом с политической арены Урарту, Манны и скифов задолго до 594 г., кажущееся. Иеремия мог назвать эти царства в 594 г., но в каком смысле? Анализ текста, проведенный И. М. Дьяконовым [51], позволяет предполагать, что перечисленные им царства — это административные области в составе Мидии, сохранившие лишь свои названия.

Что касается Урарту, то Иеремия мог под этим старым названием подразумевать также и Армянское царство. Еще в ахеменидское время «армянские сатрапии продолжали и у вавилонян называться „Урарту“, хотя сами персы называли их Армина» [7, с. 354]. Не является свидетельством существования царства Урарту в конце VII в. и вавилонская хроника Набопаласара, описывающая события войны 616—609 гг. Можно утверждать, что в ней под 609/08 г. Урарту упоминается в качестве географического понятия, куда включались и территории, никогда не бывшие в составе Урартского царства [49, с. 78; 52, с. 40—44]. В 608 г. Набопаласар дошел до области страны Урашту. Речь идет о походе в Бит Ханунию (район Муша — Эрзерума). Одной из целей похода могло быть желание Набопаласара отрезать Малую Азию от Мидии [52, с. 43, 44]. Это свидетельство важно с двух сторон: во-первых, вавилонский царь вторгается на территорию Урарту в связи со своими политическими планами, которые не имеют прямого отношения к Урарту, а связаны с Мидией, — значит, Урарту как единое государство уже не существует; во-вторых, речь идет о возможном продвижении Мидии в район западнее оз. Ван. Итак, идет война против Ассирии, которая привела ее к гибели. Против нее воюют Вавилония и Мидия. Урартский царь не выступает в военных действиях, и это в такой критический момент, когда пришли в движение все реальные силы Древнего Востока! Манна, верный союзник Ассирии последние 40 лет, еще в 616 г. выступает на ее стороне, но после этого года уже не упоминается. Вступая в войну, Мидия не могла оставить в своем тылу ассирийского союзника Манну, [53, с. 439—454]. Включается в войну союзник Ассирии египетский фараон. Если бы к началу войны Урарту не погибло, оно было бы союзником Ассирии. Дело в том, что в последний период своего царствования Урарту было в некоторой зависимости от Ассирии: в 644/43 гг., вступая на престол, Сардури III называет ассирийского царя своим господином, что на дипломатическом языке означало зависимость. Наверное, он надеялся с помощью Ассирии спасти остатки своего царства. Очевидно, в это время у них были общие враги, которые и привели их поочередно к гибели. Ведь уже Руса II, отец Сардури III, осознает опасность, надвигающуюся с востока, он начинает сооружать мощный заслон из крепостей, построив помимо Бастама и Кармир Блура еще ряд крепостей между Араксом и Урмией. И все они погибли одновременно [54, с. 175, рис. 45, 46]. Так что же это была за сила? Кто обезвредил потенциальных союзников Ассирии, прежде чем перейти в наступление?

Принято считать, что именно скифы были наиболее активной силой в этом регионе во второй половине VII в. С. Кроль считал, что политическая переориентация Русы II в сторону Ассирии и дополнительное укрепление уже давно завоеванных земель на восточной периферии Урарту были вызваны возникшей на востоке опасностью со стороны скифов [54, с. 175]. Хотя трудно себе представить, каким образом неприступные крепости, расположенные на расстоянии друг от друга, могли препятствовать рейдам скифов, не умевших взять их и не нуждавшихся в этом: завоевание и разрушение крепостей нужно тем, кто ведет тотальное завоевание страны. И несмотря на то что урарты при Русе II, судя по письменным источникам, не только не враждовали, но действовали совместно с кочевниками, все равно скифам приписывается разрушение урартских крепостей, участие скифов в войне против Ассирии и разрушение Ниневию в 612 г. и многие другие шумные акции по всей Передней Азии. Какова реальная база для таких представлений?

Участвовали ли скифы в войне против Ассирии? От решения этого вопроса зависит оценка роли скифов в международной политике того времени. В хронике



Набопаласара, описывающей события войны, скифы не упоминаются. Участниками антиассирийской коалиции названы вавилоняне, мидийцы и некие умман-манда. Гипотеза о тройственной коалиции — Вавилон, Мидия и скифы — против Ассирии была впервые высказана в 20-е годы издателем этой хроники С. Дж. Гэддом, который под этим термином подразумевал скифов. Умман-манда принадлежит к терминологии литературы гаданий и не имеет постоянного значения [55, с. 46—67], но в другом тексте под умман-манда гадали действительно подразумевали киммерийцев. По существу только это отождествление, сделанное Дж. Леви и принятое С. Дж. Гэддом, лежит в основе гипотезы о тройственной коалиции. Но именно в силу специфики этого термина нельзя автоматически переносить расшифровку термина из одного текста в другой. Против этого постоянно выступает И. М. Дьяконов: анализ хроники Гэдда и сопоставление сведений об участниках антиассирийской коалиции в других источниках позволили ему уже в 1951 г. настаивать на исключении скифов из числа победителей Ассирии [56, с. 31, 35—38]. Позднее последовал его призыв «положить конец спору» о количестве союзников [52, с. 40], что и сделал недавно польский ассириолог С. Завадский. Отсылая читателя к его работе [50], остановимся на двух положениях его исследования, которые являются решающими в вопросе о присутствии скифов в регионе во второй половине VII в. до н. э.

С. Завадскому удалось объяснить события 613 г. Одним из важных аргументов в защиту тройственной коалиции считалось отсутствие в хронике сведений об участии Мидии в военных действиях 613 г. Предполагалось, что вторжение скифов в 614 г. прервало осаду мидянами Ниневии и вынудило их к сопротивлению в 613 г. Однако события, как показал С. Завадский, развивались иначе. В 613 г. в Вавилоне вспыхнуло проассирийское восстание, Набопаласар почти терял власть, а Ассирия еще могла изменить ситуацию в свою пользу. Но будущее обоих государств было предопределено интервенцией Мидии, пришедшей на помощь Вавилону. Восстание было разгромлено, вавилонский царь сохранил свою власть, а судьба Ассирии была решена: на следующий год пала Ниневия, и вскоре царство перестало существовать [50, гл. IV]. Однако в хронике о Мидии не сказано ни слова, а восстание описано как событие местного значения. Дело в том, что хроника Гэдда не является первоначальной версией событий. Это новая редакция текста, сделанная в начале VI в., когда отношения между недавними союзниками ухудшились. В результате пересмотра роли подлинных участников войны значение Мидии в войне и в хронике искажено [50, гл. V] <sup>14</sup>.

Эти аспекты исследования С. Завадского позволяют окончательно понять лидирующую роль Мидии в событиях войны против Ассирии. Становится очевидным, что рост мощи Мидии, начавшийся с 60-х годов, и был той угрозой, от которой хотел спасти свое царство Руса II, воздвигая крепостной заслон от Аракса до Урмии. Мощь государства обеспечивалась в первую очередь территориальным захватом. Вступая в войну с Ассирией, Мидия должна была закончить первый этап экспансии, что обеспечило бы ей безопасность на флангах. И в первую очередь Мидия должна была обезопасить свои северные пределы. Ведь еще отец Русы II, Аргишти II, совершил поход до самого Каспия и походы могли повториться. Удар Мидии должен был быть направлен как раз на крепостной заслон по линии Аракс — Урмия: это был единственный подступ к Урарту с востока (южное и западное побережье Урмии занимала Манна). В результате захватнической политики Мидии не позднее 40-х годов погибла, во всяком случае, восточная периферия Урарту, даже если не принимать полностью гипотезу немецких урартологов о тотальной гибели Урарту в середине VII в. Если одной из причин вавилонского похода в 608 г. в Бит Ханунию было отделение Мидии

<sup>14</sup> Филологический анализ позволил обнаружить нарушения текста, вызванные его новой редакцией: с целью принизить роль Мидии вычеркивалось словосочетание «царь Мидии» и вставлялось «царь Умман-манды», нарушились блоки, описывающие стандартные военные ситуации и т. п.

от Малой Азии, то результаты экспансии Мидии на запад за счет Урарту вполне очевидны.

Представив себе геополитическую ситуацию во второй половине VII в., нетрудно убедиться в том, что в период политического возвышения Мидии и ее экспансии у нас нет оснований предполагать политическую активность скифов в этом регионе. Ни археологическими, ни клинописными источниками на территории Ирана и Турции во второй половине VII в. они не засвидетельствованы. Следовательно, находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. Но это лишь первая степень точности датировки. В пределах первой половины VII в. возможно уточнение на основании клинописных источников.

В VII в. киммерийцы и скифы упоминаются на территории Древнего Востока начиная с 70-х годов, в царствование ассирийского царя Асархаддона. Источники различают их локализацию и политическую ориентацию. В 70-е годы к северу от Ассирии действуют только киммерийцы. Из annalov Асархаддона известно, что уже в 679 г. «произошла резня киммерийцев в Хубишне» (район Киликии). По этим же годом датируется сделка о покупке огорода в Ниневи, одним из свидетелей которой выступает начальник киммерийского полка (или начальник полка — киммериец). На этом основании предполагается, что после разгрома в Хубишне часть киммерийцев перешла на службу в Ассирию [7, с. 258]. В середине 70-х годов киммерийцы в союзе с фригийским царем нападают на Мелид (полузависимая от Ассирии страна в верховьях Евфрата), что спровоцировало ассирийский поход туда в 675 г.<sup>15</sup> После 673 г. киммерийцы в союзе с урартами угрожают ассирийскому владычеству в Шубрии (страна в Сасунских горах). Все названные страны расположены западнее оз. Ван, но киммерийцы в союзе с урартами действовали и к юго-востоку от Вана, в Хубушкии (независимая страна в верховьях Большого Заба). По-видимому, киммерийцы, имея союзнические отношения с Урарту, свободно передвигались по его территории. Действия киммерийцев так или иначе были направлены против интересов Ассирии<sup>16</sup>, хотя отношения между Урарту и Ассирией были дружественными и омрачились лишь событиями в Шубрии. Ассирия завоевала ее в 673 г. Одной из причин этого было сокрытие там большого числа беженцев из Ассирии и Урарту. И то, что Асархаддон выдал Русе беглецов, свидетельствует о дружбе между ними. Но вскоре следует его запрос к оракулу бога Шамаша о враждебных действиях Русы в Шубрии [58, № 18; 60, № 68а, примеч. 4]. Однако annalы не сообщают о военных столкновениях между обоими царствами. Взаимная заинтересованность в мирных отношениях была обусловлена интересами Ассирии на западе и в Египте, а Руса был занят укреплением восточных рубежей царства, что никак не было связано с кочевниками, бывшими в союзе с ним.

В 60-е годы действия киммерийцев переместились в более отдаленные от Ассирии и Урарту районы Малой Азии. Видимо, тогда и могло произойти нападение киммерийцев на Фригию. Уже между 668 и 665 гг. давление киммерийцев, например, на Лидию было столь тягостным, что она ищет поддержку

<sup>15</sup> Точная дата запросов Асархаддона к оракулу бога Шамаша о возможном захвате Мелида фригийцами неясна, но обычно запросы предшествовали действиям Ассирии, т. е. 675 г. Написаны они на вавилонском диалекте аккадского языка, на котором писали до 672 г. [57, с. 112, 114]. Запрос, в котором союзником Фригии названы киммерийцы, полностью опубликован [58, № 1, с. LVI, LXI, LXII].

<sup>16</sup> Представление об относительно мирных отношениях между Ассирией и киммерийцами в 679—673 гг. [7, с. 258; 59, с. 10] нарушается запросом Асархаддона о фригийско-киммерийском союзе против Мелида. Этот запрос делает маловероятным реконструируемый поход киммерийцев и урартов против Фригии в 676/75 г. [61, с. 39]. Если можно соединить свидетельства античных источников о нашествии киммерийцев на Фригию и урартской надписи из Адъльджеваза, содержащей косвенное свидетельство о походе Русы II против страны мушков — Фригии, и рассматривать их как свидетельство совместного похода, что не бесспорно, то относить его к тому времени, когда действовал фригийско-киммерийский союз против Мелида, нет оснований.

у Ассирии. Краткий конспект действий киммерийцев в Малой Азии во второй трети VII в., основанный на тщательном анализе хроник времени Ашшурбанапала, представлен М. Коганом и Х. Тадмором [62, с. 65—85]. До 644 г., когда киммерийцы взяли столицу Лидии г. Сарды, и погиб ее царь Гигес [62, с. 78, 84, примеч. 25; 63, с. 400—409; 64, с. 232] и Малая Азия была разорена вплоть до Эгейского моря, киммерийцы действовали только в Малой Азии<sup>17</sup>. После 639 г. клинописные источники киммерийцев не упоминают [64, с. 407]. Итак, на территории между верховьями Тигра, Евфрата и Большого Заба киммерийцы находились более или менее постоянно только в 70-е годы. Следовательно, все памятники культуры кочевников из этого региона датируются только 70-ми годами VII в. до н. э.

В 70-е годы одновременно с «западными» киммерийцами в Иране действовала другая их часть. Они выступают только как противники Ассирии. Вместе с маннейцами они были союзниками Мидии в ее борьбе против Ассирии: из 22 запросов Асархаддона в связи с мидийским восстанием киммерийцы упомянуты в семи [58, № 43—45, 48—51]. В результате восстания Мидия стала независимым государством около 673 г. [7, с. 266—272, 274]. Между 672 и 669/68 гг. киммерийцы вместе с мидийцами действовали на юге Ирана в Эллипи, что свидетельствует о широком диапазоне их действий в этом регионе<sup>18</sup>.

На территории Ирана действовали и скифы, но только до начала мидийского восстания или, точнее, вне связи с ним. Это вытекает из следующего. Восстанию в Мидии предшествовали запросы Асархаддона относительно трудностей сбора там дани [58, № 64—72]. У ассирийцев не было уверенности, что собранная в Мидии дань достигнет Ассирии, а не будет отбита войсками мидийцев, маннейцев, киммерийцев [58, № 65] и скифов [58, № 66, 67, 71]. Обычно действия киммерийцев и скифов независимы друг от друга [58, с. LXII]. Только в связи с их активностью в Бит-Хамбане и Парсумаше, территориях, подвластных Ассирии и расположенных западнее Мидии, можно говорить об их совместных действиях против интересов Ассирии [58, № 35—40]. Скифы были постоянными союзниками Манны. Асархаддон сообщает об уничтожении им скифа Ишпакая, союзника Манны во время ассирийского похода в Манну в 675 г. Этому походу, важному для Ассирии в связи с беспокойной уже тогда обстановкой в Мидии, предшествовало множество запросов ассирийского царя [7, с. 260; 58, с. LX, примеч. 251]. В одном из запросов в связи с совместными действиями скифов и маннеев в Хубушкии подчеркивается, что скифы живут в стране маннеев. Логично думать, что Ассирия, которая понимала, что решительная схватка с Мидией неизбежна, хотела поссорить или ослабить возможных союзников. Это ей отчасти удалось сделать. После похода в Манну и гибели Ишпакая его сын Партатуа пошел на переговоры и в качестве цены своей дружбы и союза с Ассирией просил руки ассирийской царевны [58, № 20]. Следствием этого вероятного события и можно объяснить тот факт, что скифы блистают своим отсутствием в главном событии этого времени в регионе — в мидийском восстании. Ни в одном запросе относительно военных действий в ходе восстания скифы в отличие от киммерийцев не упоминаются. Поскольку Манна оставалась союзником Мидии еще более 10 лет<sup>19</sup> и, следовательно, была врагом Ассирии, дальнейшее пребывание скифов в Манне мало вероятно. Невозможно считать, что скифы, базируясь в Манне всего несколько лет, могли создать «царство», которое к тому же укрепились политически в результате победы Мидии [7, с. 280]. Скифы не имели никакого отношения к мидийскому восстанию. Кроме упомянутых сведений о скифах, они нигде и

<sup>17</sup> Только один раз анналы сообщают между 643/42 и 639 гг. о бесплодной атаке киммерийцев на северо-западные границы Ассирии [62, с. 84; 63, с. 407; 64, с. 232, 241].

<sup>18</sup> Запросы в связи с Эллипи [58, № 79, 80] сделаны от имени кронпринца Ашшурбанапала, которым он был объявлен в 672 г., а в 669/68 г. он стал царем. Относить их ко времени мидийского восстания [7, с. 281, примеч. 4] нельзя и потому, что они написаны на новоассирийском диалекте, который стал использоваться после 672 г. [57, с. 112].

<sup>19</sup> Манна стала союзником Ассирии около 660 г. и оставалась им до 616 г.

никогда более клинописными источниками не засвидетельствованы. В 60-е годы и киммерийцы также не упоминаются в этом регионе. Последний ассирийский поход в Манну и Мидию состоялся около 660 г., кочевники в связи с ним не упоминались.

О степени значимости скифов и киммерийцев для ассирийцев свидетельствуют запросы Асархаддона о возможных мятежах против Ассирии: в обширном списке народов среди эламитов, хеттов, арамеев, филистимлян, египтян, нубийцев, маннеев, мидийцев названы только киммерийцы [58, № 139, 142, 144]. Очевидно, что ассирийцы не ставили скифов на один уровень с киммерийцами. История скифов на Древнем Востоке — лишь небольшой эпизод в царствование Асархаддона.

Анализ геополитической ситуации VII в. до н. э., письменные свидетельства современников и археологический материал позволяют прийти к следующему заключению. В восточном регионе Ближнего Востока (Восточная Турция, Иран) памятники кочевников датируются 70-ми годами VII в. Немногочисленность памятников подтверждает непродолжительность их пребывания в регионе. В Малой Азии присутствие кочевников фиксируется и 40-ми годами VII в. Памятники, найденные на территории Урарту и прилегающих землях, определенно принадлежали киммерийцам; в Иране, в приурмийском районе (Манна), очевидно, скифам, в Мидии (Нуш- и Джан тепе), в Восточном Луристане — скорее киммерийцам. Очевидно, что и те и другие пользовались одинаковым оружием и конским снаряжением, соответствующим 2-му этапу РСК. Появление уже в 70-е годы культуры номадов в этом регионе доказывает сложение 2-го этапа РСК к северу от Кавказа не позднее 90—80 гг. VII в. Это одна хронологическая привязка. Вторая постулируется следующим образом. Судя по тому, что находки в Иране и Турции типологически сходны, культура номадов (и киммерийцев, и скифов) была единой [65, с. 132], без заметных отличий. Но, согласно письменным источникам, эту культуру в первую очередь следует называть киммерийской, а скифской — во вторую. Киммерийцы проникают на Древний Восток и действуют в пределах северных границ Урарту в 722—715 гг. еще в царствование Саргона II, что доказывает сам факт существования культуры номадов, ее 1-го этапа, в последней трети VIII в.<sup>20</sup> Следовательно, сложение его в евразийских степях можно относить по крайней мере к середине VIII в., когда начались контакты номадов с различными автохтонными племенами.

Ассирийцы — современники киммерийцев и скифов на Древнем Востоке, поэтому их датированные свидетельства должны иметь приоритетное значение. Если их информация не совпадает с данными античных источников, этому нужно искать объяснение. В сочетании с археологическим материалом они формируют прочную базу для хронологии киммерийско-скифской культуры.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
2. Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
3. Полін С. В. Хронологія раннескифських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.
4. Петренко В. Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
5. Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987.
6. Кисель В. А. О серебряном зеркале из Келермеса // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
7. Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956.
8. Вязмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2.
9. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.

<sup>20</sup> Костяные пластины из Кармир Блур, одна из которых украшена характерными для 1-го этапа РСК врезными треугольниками, были спрятаны вместе со священным царским оружием конца IX—VIII в., перенесенным сюда из Эрбуну при постройке Тейшебаини. Эти пластины могли попасть в Эрбуну в VIII в. во время первоначального проникновения киммерийцев на Древний Восток [66, с. 16—19, 43—46, рис. 9].

10. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев: Наук. думка, 1989.
11. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
12. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами//СА. 1985. № 3.
13. Рабинович Б. З. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья//СА. 1936. № 1.
14. Смирнова Г. И. Культурно-исторические процессы скифского времени в Прикарпатье в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э. по материалам западно-украинской экспедиции//Итоги археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989.
15. Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время//АСГЭ. 1990. Вып. 30.
16. Скорый С. А. Курган Переп'ятиха. Киев: Наук. думка, 1990.
17. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днепре//КСИИМК. 1953. Вып. 51.
18. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
19. Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
20. Мелюкова А. И. Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
21. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
22. Алексеев А. Ю. Хронография Скифии VII—III вв. до н. э. (рукопись 1991 г. хранится в Гос. Эрмитаже).
23. Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья//САИ. 1977. Вып. Д 1-33.
24. Батчаев В. М. Курганы скифского времени у селения Нартан//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1985.
25. Барцева Т. Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1985.
26. Иллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського типів//Археологія. 1973. № 12.
27. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
28. Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тыс. до н. э.//СА. 1980. № 4.
29. Ünal V. Zwei Gräber curasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien//Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München, 1982. B. 4.
30. Boehmer R. M. Die Kleinfunde von Boğazköy. В., 1972.
31. Cleuziou S. Les pointes de fleches «scythiques» au Proche et Moyen-Orient. Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines à la Conquête Islamique//Colloques Internationaux du C.N.R.S. № 567. P., 1977.
32. Curtis J. Nush-i Jan III. The Small Finds. L., 1984.
33. Пиотровский Б. Б. Скифы и Урарту//ВДИ. 1989. № 4.
34. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
35. Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien//Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift für K. Bittel. Mainz am Rhein, 1983.
36. Medvedskaya I. N. Who Destroyed Hasanlu IV? Iran. 1988. V. XXVI.
37. Medvedskaya I. N. Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating//Iranica Antiqua. 1991. V. XXVI.
38. Muscarella O. W. The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran//Metropolitan Museum J. 1974. V. 9.
39. Lehmann-Haupt C. F. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. В., 1907.
40. Wartke R. B. Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin//Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. В., 1990. B. 22.
41. Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1969.
42. Kroll S. Die Kleinfunde//Bastam II, Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. В., 1988.
43. Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
44. Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.: Л., 1963.
45. Kroll S. Grabungsbericht//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. В., 1988.
46. Kroll S. Urartus Untergang in anderer Sicht//Istanbuler Mitteilungen. 1984. B. 34.
47. Seidl U. Die Siegelbilder//Bastam I. Ausgrabungen in den Urartäischen Anlagen 1972—1975. В., 1979.
48. Seidl U. Die Siegelbilder//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. В., 1988.
49. Kessler K. Zu dem Beziehungen zwischen Urartu und Mesopotamien//Das Reich Urartu. Hrsg. von V. Haas. Konstanz, 1986 (Xenia. Konstanzer Althistorische Vorträge und Forschungen. Ht 17).
50. Zawadzki S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.
51. Медведская И. Н. Рец. на кн.: Zawadzki S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle//ВДИ. 1992. № 1.

52. Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей//ВДИ. 1981. № 2.
53. *Medvedskaya I.* The End of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia//Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. Gent., 1989.
54. *Kroll S.* Keramik Urartäischer Festungen in Iran. AML. Ergänzungsband 2. B., 1976.
55. *Kotroczy G.* Umman-manda//Acta Antiqua Scientiarum Hungaricae. 1977. V. 25.
56. Дьяконов И. М. Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам//ВДИ. 1951. № 2.
57. *Aro J.* Remarks on the Practice of Extispicy in the time of Esarhaddon and Ashurbanipal//CRRAL. 1966. 14.
58. *Starr I.* Queries to the Sungod//State Archives of Assyria, IV. Helsinki, 1990.
59. *Wiseman D. J.* The Vassal-Treaties of Esarhaddon//Iraq. 1958. V. XX. 1.
60. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту//ВДИ. 1951. № 3.
61. *Мелик-Гивели Г. А.* Вопросы социально-экономической истории Урарту//ВДИ. 1951. № 4.
62. *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission//Orientalia. 1977. V. 46. 1.
63. *Spalinger A.* The Date of 'he Death of Gyges and its Historical Implications//JAOS. 1978. V. 98. 4.
64. *Grayson A. K.* The Chronology of the Reign of Ashurbanipal//ZA. 1980. V. 70.
65. *Diakonoff I. M.* The Cimmerians//Acta Iranica. 1981. V. VII. (Monumentum Georg Morgenstierne I).
66. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур III. Ереван, 1955.

Санкт-Петербургский филиал Института  
востоковедения РАН

I. N. MEDVEDSKAYA

#### THE PERIODISATION OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD AND THE ANCIENT ORIENT

#### S u m m a r y

The article is added the chronological proof-reading of three stages of the Early Scythian Culture (ESC) on the foundation of archaeological data and written sources of the Ancient Orient. The table includes all basic sites of Scythian archaic period and it allowed the author to expose the key collections of implements for every stage. This part of the article demonstrates that the Scythian antiquities from Eastern Turkey and Eastern Iran correspond to the implements of the second stage of the ESC. The analysis of geopolitical situation in the VII century B. C., Assyrian written sources synchronous to the Cymmer and the Scythians and archaeological data allow to conclude that the sites of nomads on this territory may be dated only to the 70-years of the VII century B. C. (in Western Turkey the data may include the 40-years of the VII century B. C.). Therefore the second stage of the ESC to the north from Caucasus was formed not later than in 80—90 years. Ancient Oriental materials demonstrate the common culture of the Scythians and the Cymmer but in the first instance it was the Cymmerian. The Cymmer penetrated into the Northern Urartu still in the reign of Sargon the Second. This fact proves the existance of nomadic culture, the first stage of ESC in the last third of the VIII century B. C. Therefore the forming of the first stage of ESC may be believed to the middle of the VIII century B. C. when the contacts between nomadic and various autochthons were began.